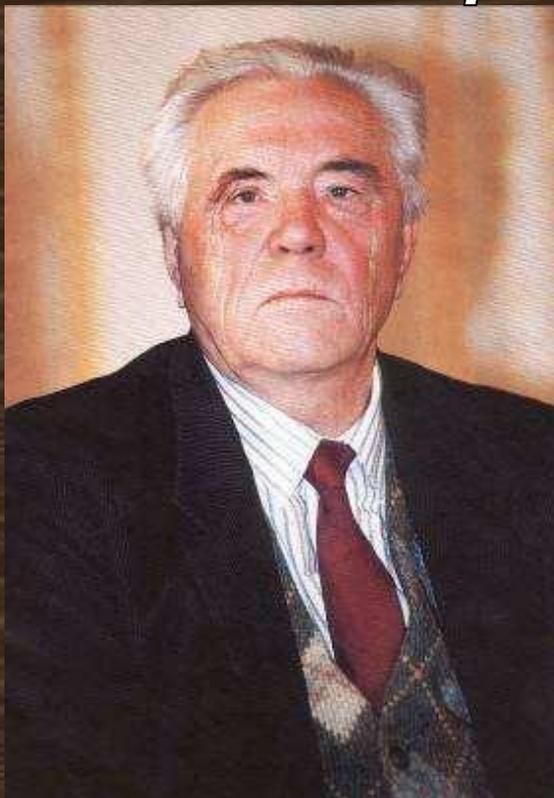

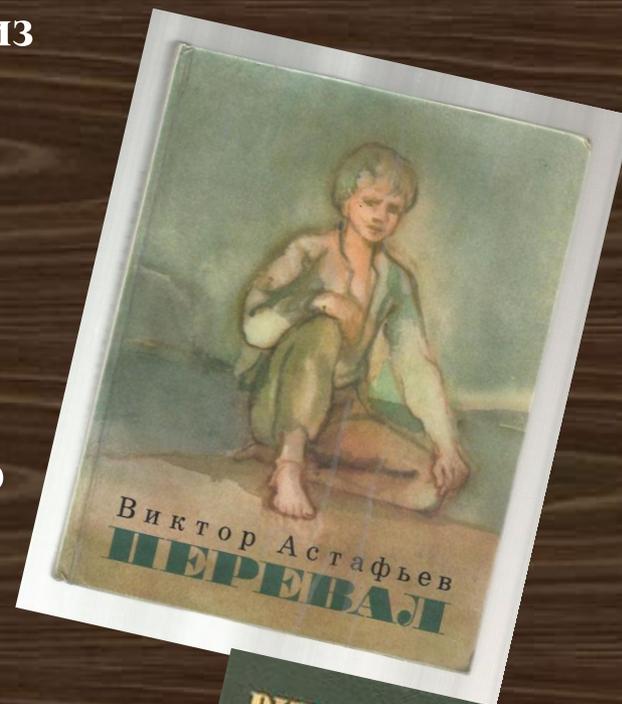
"Произведения Виктора Петровича Астафьева"

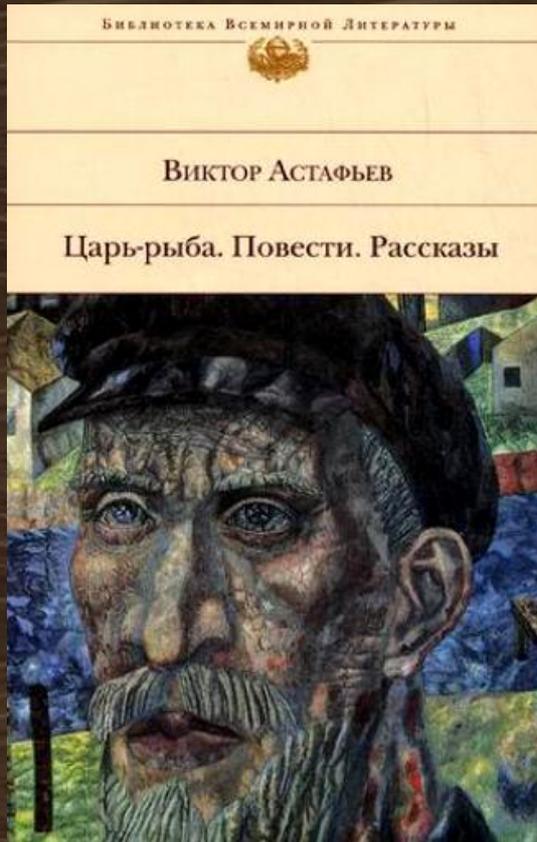
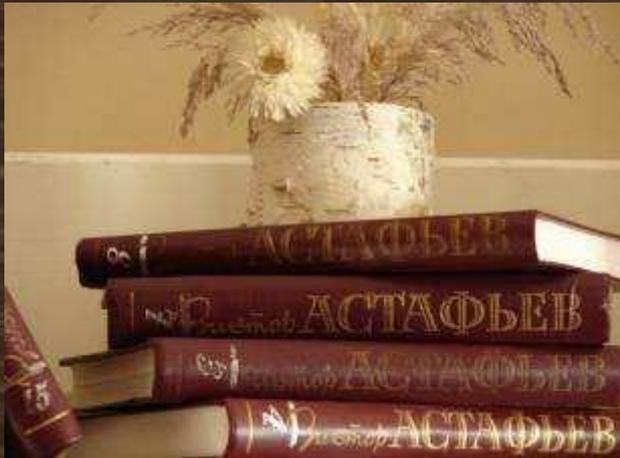

Выполнила: Маурер Анна Николаевна,
учитель русского языка и литературы
МКОУ «Лапшихинская СШ»

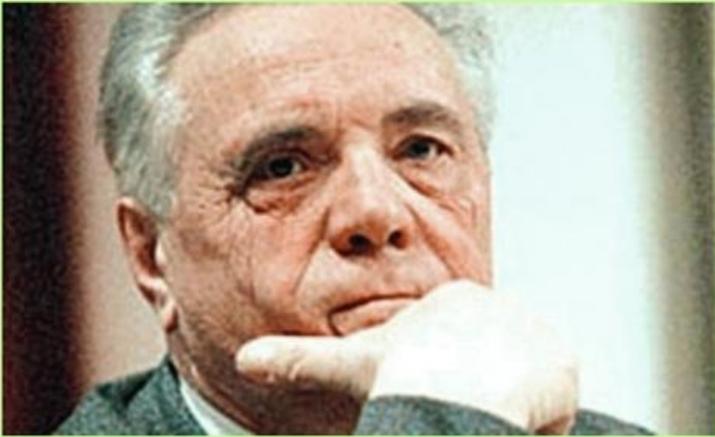
- В **1960-е** Астафьев публикует повести из сибирской жизни, замеченные столичной критикой: «Перевал», «Стародуб» (обе **1959**; последняя — о жизни сибирских старообрядцев-кержаков), автобиографическую повесть «Кража» (**1966**), в центре которой рождение души детдомовского подростка, отстаивающего основы своей личности в суровых условиях физического выживания.

Выброшенность в такую среду чистого, мечтательного и ранимого героя составляет сюжетную основу многих произведений Астафьева, первой повести из военной жизни «Звездопад» (**1960**), где поэзия первого чувства, возникшая на фоне госпитального быта, пресекается жутким бытом пересыльного пункта, самим ходом и логикой войны.

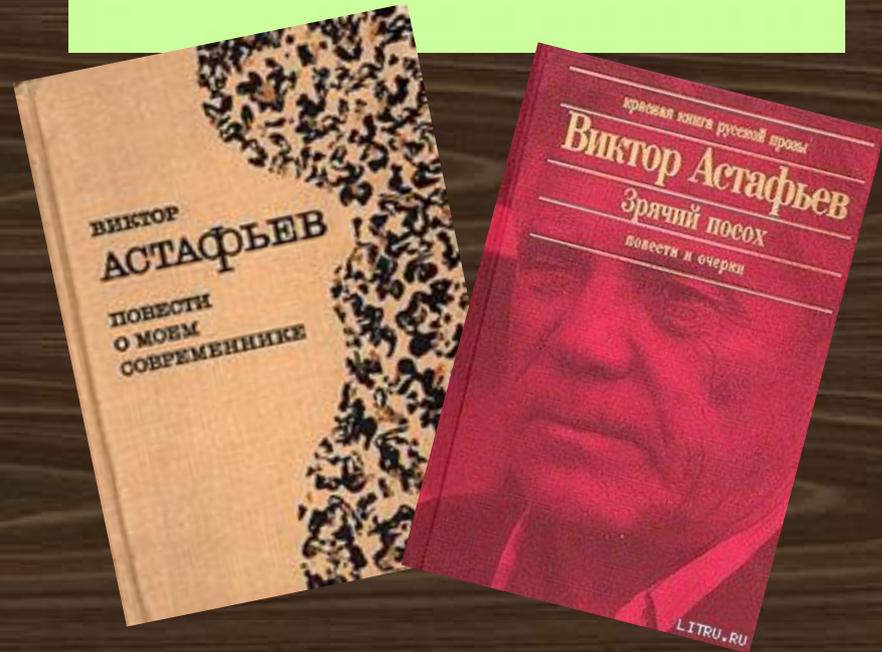

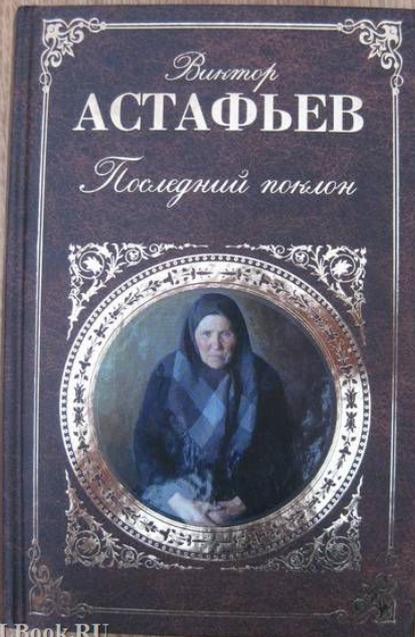
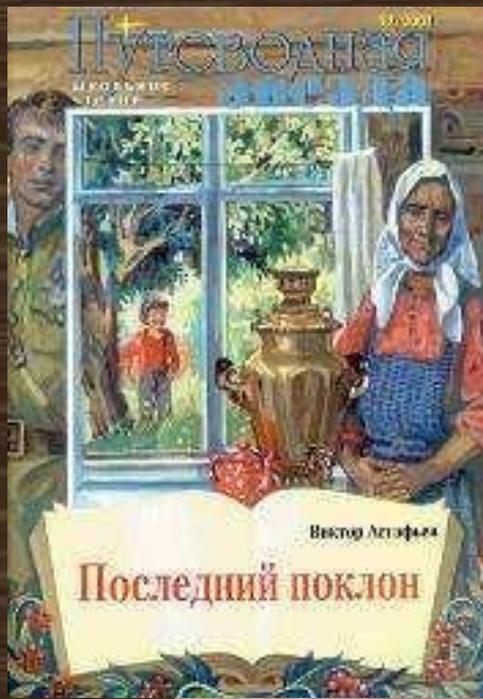

- В эти же годы появляются рассказы и повесть («Где-то гремит война», **1967**), составившие автобиографическую книгу «Последний поклон», написанную от первого лица, с поразительным перевоплощением автора в душу и психологию ребенка, подростка; над этой книгой Астафьев работал с конца **1950- г.** (первое отдельное издание — **1968**; кн.1-2, М., **1971**, с новыми главами — **1979**), дописывая ее и после окончания, до начала **1990- г.** «Последний поклон», повесть «Пастух и пастушка. Современная пастораль» (**1971**), «повествование в прозе» «Царь-рыба» (**1976**; Государственная премия СССР, **1978**) принесли писателю известность, были переведены на многие языки мира.

- Основная особенность художественного реализма Астафьева — изображение жизни в ее первоосновах, когда она не достигает уровня рефлексии и сознания и как бы сама из себя порождает крепящие бытие нравственные опоры: добра, бескорыстия, сострадания, справедливости. Это астафьевское «оправдание добра», ценности и осмысленности жизни подвергается писателем самому жестокому испытанию, прежде всего предельными условиями российского существования.

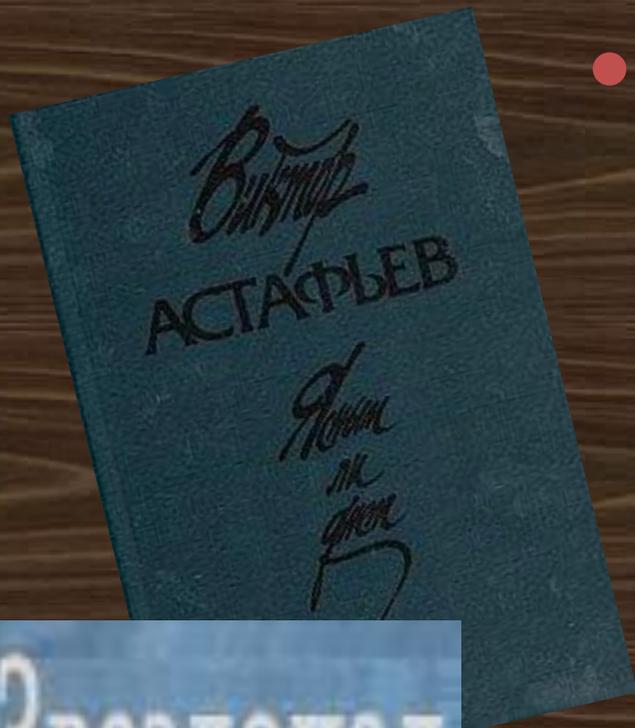

- В «Последнем поклоне» — своеобразной летописи жизни сибирской деревни — Астафьев воссоздает убогий уклад заброшенного чалдонского села, с его нищетой, пьянством, доходящим до дикого разгула, рисует галерею сибирских характеров (своей родни, соседей, земляков и переселенцев) — непутевых, бесшабашных и безалаберных, жестоких в «кураже», ломающих жизнь себе и своим близким. Но эти же люди оказываются способны к добру и участию, в «крайние» минуты спасают и поддерживают друг друга, терпеливо перемалывают жизнь в непосильном труде, часто связанном с опасностью и риском. В них, носителях неписанной, «инстинктивной» морали видел Астафьев «становую жилу» народа. Венцом его жизнестойкости, терпения и доброты стал образ бабушки Катерины Петровны, примирявшей мальчика с жестокостью жизни.

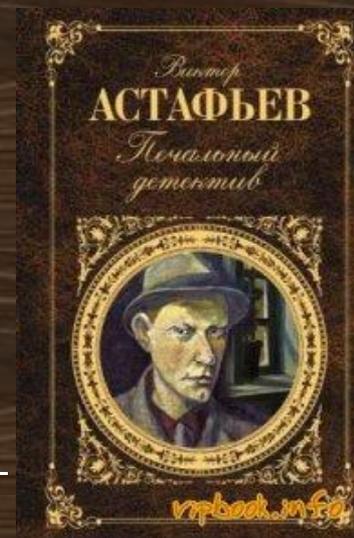
- Другие неотъемлемые от Астафьева жизненные пласты воплощения и одновременно формы испытания доброй и прочной основы мира — война и отношение к природе. В повести «Пастух и пастушка» с присущей Астафьеву поэтикой подробностей писатель показывает войну как крошечный ад, страшный не только степенью физического страдания и нравственного потрясения, но непосильностью для человеческой души военного опыта. Ужас войны, то, что называют «окопной правдой», для Астафьева — единственно подлинная правда о войне.

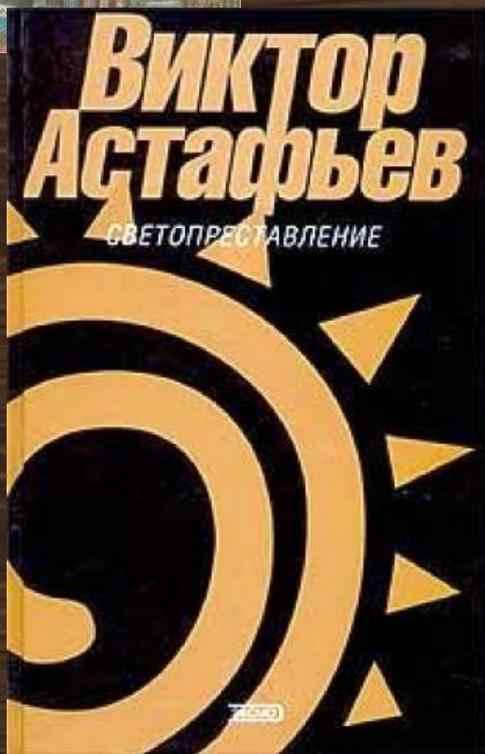
- И хотя самопожертвование и бескорыстие, нередко оплаченное собственной жизнью, военное братство, неистребимость добра проявляются и обнажаются в дни войны, и не менее — в военном быту — ежедневной изматывающей «работе», Астафьев не видит цены, которая могла бы оправдать человеческое «побоище». Трагически подорванной оказалась душа юного лейтенанта: чистоту и силу своей любви он не смог совместить с нормами военной жизни. Несовместимость военного и мирного опыта, память о войне станут, помимо «Звездопада», темой и отзвуком многих произведений Астафьева: рассказы «Сашка Лебедев» (1967), «Ясным ли днем» (1967), «Пир после победы» (1974), «Жизнь прожить» (1985).

● Начиная с 1980-х гг. меняются акценты в осмыслении Астафьевым современной русской жизни и русского характера, жестче и непримиреннее становится память (последние главы «Последнего поклона» с картинами быта спецпереселенцев, коллективизации). В романе «Печальный детектив» (1986), вызвавшем острую дискуссию, распад, деградация, повсеместное торжество зла утверждаются как доминирующие черты современного советского общества, а в русском национальном характере, хотя и остаются «необъяснимая русская жалость», «жажда сострадания», стремление к добру, преобладают «безалаберность», попустительствующая злу, «покорность», нравственная пассивность. Тщательная фиксация героем, бывшим оперуполномоченным, примеров патологической преступности, экстремальных нарушений человеческих законов, морали призвана показать хаос, социальную энтропию современной жизни (налицо переоценка

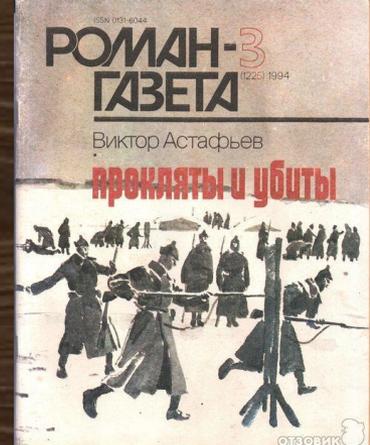
ценностей: маргинальное становится центральным, запрет — нормой), однако написанная в стиле жизнеподобия, «террористического реализма» (по определению одного из критиков) жизнь люмпенов, бандитов, отбросов общества не переплавилась в объемную художественную картину. Полюс добра (в образе милицейского работника, искалеченного в борьбе с преступниками) оказался невыразительным, стертым, недоразвившимся типом современного Дон Кихота.

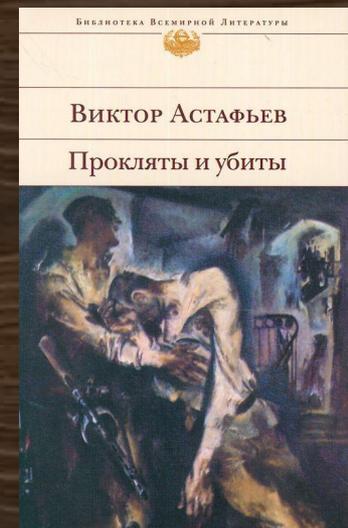

- В русле тех же тенденций (по материалу и составу идей) — один из лучших рассказов «Людочка» (1989): смерть того, кто изнасиловал безропотную (и повесившуюся после этого) Людочку, — в кипящей трубе-канаве городского отстойника, сам этот отстойник, среда обитания и привычный пейзаж городской окраины, предстают символом разложения, всеобщего одичания и агонии: рассказ прочитывается как современная антиутопия (по самой природе жанра не сводимого к сгущенному описательному натурализму); только боль автора и острота неприятия зла как бы восстанавливают нарушенную норму и снимают вопрос о его тотальном торжестве.

● Разрастание зла в художественном мире Астафьева во многом объясняется этической позицией писателя, не признающего метафизическую природу зла, он не перестает удивляться каждому злоступку и низкому движению души. Астафьев — редкий в 20 веке художник, избежавший прививки «диалектики добра и зла» и отказавшийся принять его неизбежность.

● В романе «Прокляты и убиты» (кн.1-2, 1992-94, не окончен; в марте 2000 Астафьев сказал о прекращении работы над романом) писатель возвращается к теме испытания человека на войне. Плотское, телесное переживание жизни — отличительное свойство реалистической поэтики Астафьева — определяет характер такого испытания: голодом, холодом, непомерным трудом, физической усталостью, болью (глава «Темная-темная ночь» из «Последнего поклона»), и, наконец, страхом смерти; способность достойно их перенести служит знаком нравственной стойкости и внутренней состоятельности героя.

- В романе «Прокляты и убиты», как и в повести «Так хочется жить» (1995), телесная природа становится только низом, вместилищем животных инстинктов, утробой, дискредитацией «идеального» в человеке, и одновременно — средством обличения антигуманного и безбожного коммунистического режима, поставившего человека в унижительные, нечеловеческие условия (сверхнатуралистическое описание быта запасного стрелкового полка; страшные подробности форсирования Великой реки — Днепра).

ALTAPRESS.RU

● В этом романе писатель переписал и переосмыслил многие страницы своей внутренней биографии, впервые в постсоветской литературе создал образ десакрализованной народной войны **1941-45**.

● Роман развел по разные стороны почитателей Астафьева. Этическая и эмоциональная доминанта романа двойственна: с одной стороны, оплакивает героев, переживших невыносимое и оставшихся людьми, с другой, их поступки страдания — как участников бессмысленной бойни, лишенной признаков и пафоса войны Отечественной, священной, как бы обесцениваются, остаются этически неоправданными. Ниспровергая идеологические клише, Астафьев устраняет не только героические, но и всякие степени — как именно эта война, обобщенный неличные высшие мотивации поступков своих героев. Двоится и образ самой войны: она ужасна сама по себе, но в неменьшей результат действий бездарных генштабистов, тыловиков, ради собственных наград обрекающих на гибель миллионы людей.

Роман «Прокляты и убиты» вместе с повестью «Так хочется жить», «Веселый солдат» (1998) — своего рода антиэпос военных и послевоенных лет. Темы правдоискательства, добра и любви, «горького» праздника жизни становятся сопутствующими или переключаются в публицистический план. Тоска по справедливости и лучшей жизни заставляют писателя с гневом и яростью обличать бездарных генштабистов, тыловигов, мелких и средних начальников, преступно безучастных или коверкающих судьбы простых людей. С какой-то самоистязательной пристальностью запечатлевает Астафьев хаос, рвачество, волчьи законы, убогое прозябание, унаследованные современностью: «И все злей, все неистовей, все вороватей делаются российские люди». В публицистике 1990-х годов социально-нравственное состояние общества также рисуется в апокалипсических тонах как проявление общей деградации

